

*О, я не зря на этом свете жил,
И сладко мне стремиться из потёмок —
Чтоб, взяв меня в ладонь,
ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил!*

Предисловие

В судьбе моего отца, Кима Анатолия Индековича, сына репрессированного крестьянина, отразились и не прошли бесследно все катаклизмы, сотрясавшие нашу родину в XX веке: репрессии, голод, войны, нищета, перестройка, смена общественного строя, связанные с этими событиями победы и поражения. Первый в нашем роду горный инженер — геолог, осуществивший свою юношескую мечту быть первооткрывателем и первопроходцем, прожил жизнь не зря. Всё, что рассказано ниже через призму жизни моего отца в период его работы в ХМАО — Югре, ЯНАО, Мурманской области, Чукотке — вехи грандиозных событий общемирового уровня, позже названных современниками «открытием века», а людей, совершивших это — «разбудившими землю»!

Трудовая биография моего отца — 47 лет, в том числе 43 года полевого стажа. Она полностью охватила все периоды развития

тюменской геологии от её начала, расцвета и до заката. Начало — это временной период шестидесятых годов прошлого века, расцвет — славные открытия сотен месторождений — семидесятые и восьмидесятые годы, развал и ликвидация не только тюменской геологии — отрасли в целом по России — девяностые годы прошлого столетия. Он и тогда не сдался: полностью сохранил двухтысячный трудовой коллектив, всё оборудование и все базы Ноябрьской нефтегазоразведочной экспедиции (г. Ноябрьск) производственного объединения «Обънефтегазгеология» (г. Сургут) Главного Тюменского территориального геологического управления «Главтюменьгеология» (г. Тюмень), коллективы которой насчитывали в лучшие времена сто тысяч сотрудников!

Сегодня, в XXI веке, нет Министерства геологии России, нет прежней могучей «Главтюменьгеологии», ушёл и отец, но продолжает плодотворно с уверенностью в своём будущем трудиться сохранившийся коллектив!

Отец отработал в ХМАО — Югре 11 лет, в ЯНАО — 25 лет, на юге Тюменской области — 7 лет, в Мурманске — 4 года. Его биография — пример патриотизма и эффективности работы гражданина и геологоразведчика, а также пример того, что открытия Тюменской области и не состоялись бы, если её изначально делили бы по округам и югу Тюменской области. Ведь геологи работали там, куда их отправлял искать нефть и газ начальник Главтюменьгеологии Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье, «папа Юра», как его звали соратники, по всем полутора миллионам квадратных километров территории области!

Честь и хвала отцу! Низкий сыновний поклон! Честь и хвала всем геологам! Это про них сказал в 2001 году на торжестве по случаю присвоения звания «Почётный гражданин ЯНАО» Киму А.И., Глебову Н.Д., Мыльцеву А.Б., Салманову Ф.К. тогдашний губернатор округа Ю.В. Неелов: «Эти люди сделали невозможное, не будь их — Россия сегодня испытывала бы чрезвычайный энергетический голод! Я вообще удивляюсь: как они работали в таких тяжелейших условиях, а сегодня ещё подают пример молодым!».

Примечательно, что все свои открытия нефтяных и газоконденсатных месторождений отец сделал, будучи несправедливо репрессированным в 1937 году ещё двухлетним ребёнком, реабилитировали же его только в 2005 году.

Побудительным мотивом написать историю жизни моего отца была также надежда на то, что она будет интересна и молодым людям, идущим нам на смену. В ней только факты, подтверж-

дённые документами городских архивов и краеведческих музеев: Сургута, Нефтеюганска, Ноябрьска, Салехарда, Большого Камня (Приморский край), а также нефтяных и газовых компаний: ПАО «Газпромнефть», ОАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Газпром», НАО СибНАЦ и др. А также то, что я сам видел, слышал, как сын геолога. А геологи — это была каста!

Мой отец — геолог

Третьего ноября 2016 года его не стало. Не стало человека, который научил меня всему и главному — уважать людей. Научил быть честным, прежде всего перед самим собой. Он и сам так прожил всю жизнь — честный и, наверное, где-то наивный человек, всегда верящий в лучшее в людях. Человек, ни разу никого не обманувший и не подставивший, с юности установивший для себя высочайшую нравственную планку требований к самому себе и ни разу, как бы тяжело ни было, не изменивший им, — этот человек достоин большой памяти.

Спасибо людям, знавшим его и предложившим мне написать про отца.

Родился он четвёртого марта 1935 года в деревне Лифляндия Шкотовского района Приморского края в крестьянской семье Ким Ин Дека, предки которого с 1867 года являлись подданными Российской империи. Поселение располагалось у берега Тихого океана, севернее города Владивосток. Сейчас на этом месте расположен город Большой Камень — одна из баз Тихоокеанского военно-морского флота. Зимой 1937 года по распоряжению Сталина всё корейское население в течение месяца было выселено из родных мест, а потом перевезено в пустынные места Казахстана, Узбекистана, Северного Кавказа. НКВД совершило ошибку, не разделив при погрузке в товарные вагоны родственников и соседей по прежним местам проживания. Это спасло множество жизней маленьким детям и пожилым людям. Высадили весь род моего прадеда вместе с семьёй деда с двумя детьми (мой отец и его сестра) в Казахстане в Талды-Курганской области на железнодорожной станции Уш-Тобе, отвезли в зимнюю степь на место, обозначенное на тогдашних топографических картах как точка № 1, и оставили умирать от голода и холода. Спасло от гибели несколько сот людей не чудо, а то, что все родственники были вместе. Подчёркиваю это, так как в корейском роду, проживающем вместе, каждый член рода знал свои обязанности и был приучен всегда помогать своим. Чёткая иерархия взаимо-

отношений, советы старейшин, чьи указания выполнялись неукоснительно, наличие взрослого мужского населения позволили вначале не замёрзнуть, построив землянки, обеспечившись кое-каким топливом. Женщины занимались собирательством, мужчины рыбной ловлей в реке Каратал и охотой на степную дичь. К весне были подготовлены грядки для посадки, посеяны овощи из привезённых с собой семян. Особо надо отметить помощь, оказанную местными казахами молочными и мясными продуктами для маленьких детей.

Весной приехали проверяющие подсчитать выживших людей, оказалось, что выжили все! Это яркий пример, как надо действовать людям, поставленным, казалось, в безвыходную и смертельно опасную ситуацию.

Я недаром подробно остановился на этом эпизоде в жизни моего отца — он всю свою трудную жизнь поступал только так, отдавая своё последнее тем, кто, как он считал, нуждается в этом более, чем он. Так он и прожил — всегда отдавал больше людям, чем брал.

Потом у сосланных людей была организация колхоза (впоследствии совхоза-миллионера «Дальний Восток»), строительство прадедом и дедом саманного дома под камышовой крышей, в котором дед мой прожил до 1974 года.

Война началась, когда моему отцу исполнилось 6 лет. Деда, годного к нестроевой службе, призвали в трудовую армию на угольные шахты Караганды. Бабушке в это время пришлось время рожать, увезли её в районную больницу. Родилась двойня, но один вскоре умер, бабушка с ними двумя на руках осенью, босиком и пешком, добралась до дома, сумела не заболеть. Свои переживания того периода она никому никогда не рассказывала, просто отмалчивалась и уходила в себя. Дед пришёл из трудовой армии калекой, его завалило в шахте породой, переломило бедро. Так он и прохромал всю оставшуюся жизнь, не озлобился. Всю жизнь проработал днём в поле, а вечером билетёром в совхозном клубе. Ко времени, когда я стал себя помнить, а это было начало шестидесятых, в его семье было уже восемь детей, мой отец был старшим сыном. По патриархальному обычаю моих предков старший сын старшего сына — будущий глава рода. Ему, как свахе, — «первая чарка, но и первая палка (дубинка)». Его первая обязанность — быть в ответе за всех своих, вторая обязанность — всё уметь делать в большом крестьянском хозяйстве. И этому учат с самого раннего детства. Таким он и вырос — ответственным,

честным, всё умеющим, всем помогающим. Таким он и прожил, до конца своей земной жизни, наивно веря, что все люди должны делать друг другу только добро.

Моя мама училась с папой в одной школе. Они всегда были вместе с юности, а потом и во всей своей замечательной жизни, сначала во время учёбы отца в Томском политехническом университете на геологоразведочном факультете. Потом в Среднем Приобье в районном посёлке Сургут, юртах Ярсомовских, что под Угутом, в деревне Пим, что на Оби, в посёлке Усть-Балык (нынешний Нефтеюганск), на полуострове Ямал в посёлке Мыс Каменный, на Кольском полуострове в городе Мурманск, в городе Ноябрьск ЯНАО, в Тюмени. Только уход отца разлучил их, прожили они вместе почти шестьдесят лет.

Отец ещё в юности для себя решил, что будет учиться на геолога, его всегда тянуло заглянуть за горизонт, проверить себя в тяжёлых походах, да и стипендия у будущего горного инженера была выше, чем у других студентов. Он родился романтиком, прожил трудную мужскую жизнь, полную трудов и тяжелейших испытаний, но не изменил себе и своим мечтам. И ушёл он от нас тоже как настоящий мужчина — в тяжелейшей борьбе с недугом, но до конца на своих ногах, с ясной памятью и через несколько дней после очередной охоты. Ушёл на свою последнюю вечную охоту. Ушёл не сломленный, как всегда постаравшись не доставить никому из окружающих хлопот.

Отец много рассказывал мне про свою студенческую жизнь 1954–1959 гг. Это был счастливейший период его становления как мужчины, воина, исследователя. Испытания, что ждали его впереди, ярко показали, что отец время в институте не терял зря. Окончивший национальную школу с неполным учительским составом, плохо говоривший по-русски при поступлении в университет, он к концу учёбы устранил основные пробелы в школьном образовании. Я много читал производственных документов, подготовленных моим отцом, поэтому ответственно заявляю, что по ясности выражения мысли, чёткости изложения, грамотности написания с ним мало кто мог посоревноваться. Он сам себя подготовил к такой жизни: уметь работать и головой, и руками.

Вспоминается случай в Усть-Балыке. Надо было как-то зимой 1963 года получить на всю Усть-Балыкскую нефтеразведочную экспедицию зарплату в районном посёлке Сургут. Ф.К. Салманов, в то время главный геолог, попросил отца это сделать. Он и сделал это: с вечера собравшись, подготовив ружьё, фонарь и лыжи, взяв

с собой собаку, он утром ушёл по компасу тайгой в Сургут, а это 50 километров зимой и в постоянных сумерках. Переночевав уже в Сургуте в Доме колхозника (был такой) и утром первым получив деньги, ночью вернулся по своему следу в Усть-Балык. И это он считал обычным делом.

Прибыли мы в районный посёлок Сургут на самолёте АН-2, вылетев из гидропорта озера Андреевского, расположенного рядом с городом Тюменью. Мы — это мама, папа, я — одиннадцатимесячный пацан. Это событие и последующие за ним другие встречи и события отец сам описал. Я лучше его просто процитирую:

«Двенадцатого сентября 1959 года по направлению Тюменско-го территориального геологического управления из города Тюмени на гидросамолёте АН-2 я с семьёй (женой и 11-месячным сыном) прибыли в районный посёлок Сургут. Летели с военными связистами: майором и капитаном. Майор, ничего не спрашивая, помог с переноской вещей и подвёз нас в гостиницу. Прошло почти 57 лет, а я до сих пор вспоминаю его с благодарностью. К сожалению, не помню ни фамилии, ни имени. Таких встреч на нашей сибирской земле было много. Сейчас, по прошествии стольких событий, понимаю, что всё, что сделано нами, могло быть сделано только вот так — взаимовыручкой, коллективом, командой, как сейчас говорят. Это было памяткой на всё моё будущее. Через 24 года мой внук, родившийся уже в городе Сургуте 12 сентября, увековечил эту очень памятную для меня дату нашего прибытия на север.

На следующий день я поехал искать Сургутскую комплексную геологоразведочную экспедицию, находившуюся на окраине посёлка Чёрный Мыс. Принял меня лично начальник Фарман Курбанович Салманов. Это была первая наша встреча, тоже оказавшаяся знаковой. Наши постоянные рабочие контакты продолжались вплоть до 1973 года. Я учился у него, а он учил меня, молодого специалиста, профессии и организаторскому делу. Обстановка тогда требовала принятия немедленных и решительных действий по всей сфере деятельности. Экспедиция, испытывая постоянный недостаток в обеспечении материально-техническими ресурсами, в финансировании, в специалистах, тем не менее, продолжала наращивать объёмы геологоразведочных работ.

Ф.К. Салманов оформил меня для начала лаборантом-коллектором и отправил на опорную скважину № 1, что бурилась

на окраине посёлка Чёрный Мыс. В апреле 1960 года скважина вскрыла проектный горизонт — кристаллический фундамент на глубине 3068 м, представленный порфиритом². Скважину, как выполнившую своё назначение, ликвидировали.

Геологию тех времён можно охарактеризовать одной русской поговоркой: «и швец, и жнец, и на дуде игрец»! Заниматься приходилось всем!

Прекрасно понимая, что никто, кроме нас самих, не выполнит задуманное, в порядке взаимопомощи и сотрудничества Фарман Курбанович в районном посёлке Сургуте активно помогал местному совхозу. Зимой работники экспедиции заготавливали веточный корм для крупного рогатого скота, а летом отправлялись на сенокос. Потом, когда пришли нефтяники, это стало правилом, а тогда обстановка требовала принятия этого решения — у геологов были семьи, дети. За это усердие он получил подпольное прозвище Фургон Комбайнович.

В ноябре 1963 года Ф.К. Салманов, работавший тогда главным геологом Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции, назначил меня начальником геологического отдела. Задачи стояли неотложные — необходимо было в кратчайшие сроки до начала навигации 1964 года подготовить к опытно-промышленной эксплуатации шесть разведочных скважин Усть-Балыкского нефтяного месторождения. Вся добытая нефть должна была собираться в четырёх вертикальных резервуарах объёмом по 2000 кубометров каждый на строящемся силами геологов резервуарном парке.

Первые две тысячи кубометров нефти, полученной на Усть-Балыкском месторождении, были закачаны 26 мая 1964 года в две нефтяные баржи, и пароход «Капитан» под управлением капитана Николая Лунина в сопровождении теплохода «Академик Ферсман» повёл её по рекам: с Юганской Оби в её главное русло, далее по Иртышу в город Омск.

Сейчас появляются мемуары, а также журналисты пишут, что первую промышленную нефть с Усть-Балыкского месторождения отправили нефтяники. Это неправда. Первую промышленную нефть с Усть-Балыкского месторождения добыл коллектив Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции, подготовил

² Порфирит — магматическая горная порода с порфировой структурой, не содержащая калиевого полевого шпата среди породообразующих минералов.

и перекачал её из резервуарного парка в танкер для дальнейшей транспортировки на Омский нефтеперерабатывающий завод.

26 мая 1964 года было великим праздником для всех нас. Это был осязаемый итог, заслуженная победа и награда за годы непрерывного труда. Практически все жители посёлка Нефтеюганск и работники Усть-Балыкской экспедиции были на берегу Юганской Оби у узла задвижек. Геологическая служба экспедиции в составе: Ф.К. Салманов, А.И. Ким, А.М. Брехунцов, М.И. Вовк и др. тоже приняла участие в торжественном митинге. Ф.К. Салманов вместе с Ю.Г. Эрвье, начальником Главтюменьгеологии, А.К. Протазановым, первым секретарём промышленного обкома Тюменской области, открывал задвижку трубопровода для заправки нефти в танкер».

Это событие было снято Омской киностудией, а чуть позже вышел во всесоюзный прокат киножурнал.

А до этого были юрты Ярсомовские под посёлком Угут на реке Большой Юган. Сейчас этих юрт уже нет, да и название на карте исчезло. Тогда это было поселение местного русского и аборигенного населения, занимавшегося охотой и рыбной ловлей. Здесь и начали бурить поисковую скважину, испытание её дало приток сеноманской воды³. В 1961 году оборудование демонтировали, часть изб разобрали, персонал отправили баржей на новое место — в посёлок Пим на реке Обь бурить скважину номер 61 на перспективной Солкинской площади, давшую непромышленный приток нефти. Отец занимался её испытанием месяц. Потом он вспоминал, что в одну из очередных бессонных ночей к берегу тихо подошёл катер, из него вышел Юрий Георгиевич Эрвье, начальник Главтюменьгеологии. Детально расспросив отца о результатах работы, очевидно удовлетворившись ответами, кое-что пометив в своей тетради, он на этом же катере ушёл в Усть-Балык.

Для тюменской геологии началось знаковое время: вопреки мнениям скептиков, говорящих, что нефть в Западной Сибири есть только в головах нескольких не совсем нормальных людей (по их мнению, в это число входил и Ю.Г. Эрвье), открытия уникальных месторождений нефти пошли одно за другим! Здесь я тоже просто процитирую слова моего отца из его воспоминаний:

³ Сеноманская вода Западной Сибири — вода, добываемая в Западной Сибири из отложений сеноманского яруса. Используется в нефтедобыче: ею заполняют пустоты, образующиеся при выкачивании нефти.

«Я с добром и благодарностью вспоминаю период работы с Ф.К. Салмановым, вспоминаю коллективы Сургутской и Усть-Балыкской нефтегазоразведочных экспедиций, где я сформировался как профессионал. Это были славные годы становления тюменской школы геологов, к которой все мы имеем честь принадлежать, школы, результаты работы и авторитет которой признаны во всём мире. Мощнейший интернациональный коллектив молодых энтузиастов доказал всем оппонентам, и самим себе в первую очередь, что историю своей страны делают честные и искренние люди, патриоты своей Родины! Это особенно важно сейчас знать подрастающим молодым людям, живущим в новой России.

Геологическую историю Западной Сибири в виде открытых сотен месторождений нефти и газа писали мы, «птенцы гнезда Папы Юры» — Юрия Георгиевича Эрвье и соратники Фармана Курбановича Салманова. Мы горды и счастливы этим!»

Трудно что-либо добавить к сказанному.

Посёлок лесозаготовителей и рыбаков Усть-Балык стал Нефтеюганском. Сначала посёлком, а затем и городом. Открытия месторождений следовали одно за другим: Усть-Балыкское, Мамонтовское, Южно-Балыкское, Лянторское и т. д. Теперь мы жили в бараке на шесть семей — это был верх цивилизации после обитания в вагонах ППВТ с железной обшивкой и пустыми стенами, землянками и палаткой военно-технического имущества, в которой мы жили с августа по октябрь 1962 года после перебазирования из посёлка Пим. Моему младшему брату тогда в октябре исполнилось семь месяцев. Отца я не видел совсем, он всё время был на работе. Мама, как все жёны геологов, безропотно несла тяжелейшую ношу. Перед глазами стоит картина: обледевший подъём на яр на «пяточке», по реке Юганская Обь идёт «шуга», а вверх от её берега цепочкой идут женщины с коромыслами вёдер с водой. Показать бы это нашим правителям, как давались открытия месторождений. В моих детских воспоминаниях нет ни одного эпизода, чтобы я видел, как жёны геологов ругались между собой. Более того, двери землянок, балков, барачков никогда не закрывались на замок. Мы, дети, могли прийти в любой дом, нас обязательно накормили бы, согрели, высушили одежду, если промокли. Если были выходные или праздники, то обязательно делался общий стол, за который усаживались все входящие-приходящие.

Геологические посёлки того времени — праздник человеческого общения и взаимовыручки! Таких чистых и честных взаимоотношений между людьми я больше не встречал нигде, хотя всю свою сознательную жизнь искал их.

Замки на дверях появились в 1966 году, когда привезли баржу «химиков» — расконвоированных заключённых в качестве рабочих для строительства поселковых объектов. В это же время, по-моему, Омской киностудией был снят фильм про Нефтеюганск с его бараками и деревянными тротуарами. Помню некоторые слова из песни этого фильма: «Приезжай, моя любимая, приезжай в Нефтеюганск!».

К сожалению, мне не известно, какой по объёму был снят киноматериал о том периоде открытий, скорее всего, вряд ли его будет достаточно для создания полной картины тех времён. В настоящий момент только телерадиокомпания «Югра» в определённые даты, каким-то образом связанные с геологией, добычей очередного миллиарда тонн тюменской нефти и т. д., показывает ролик, где главный геолог Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции Ф.К. Салманов и начальник геологического отдела А.И. Ким работают с геологическими картами. На фонтане нефти из скважины отец и другие геологи мажутся ею, Ф.К. Салманов, Ю.Г. Эрвье, А.К. Протазанов открывают задвижку для налива первой нефти в первый танкер.

В 1967 году отца перевели в Сургут во вновь образованный трест «Обьнефтегазразведка» начальником геологического отдела. В функции треста входило руководство и координация действий за непрерывно увеличивающимися геологоразведочными работами нескольких экспедиций во всём Ханты-Мансийском национальном округе. На мою детскую память — их было четыре, четыре экспедиции.

Отца того периода я вспоминаю непрерывно думающим, действующим, едущим, спорящим по бесконечным производственным вопросам. Даже за праздничным столом он и его друзья всегда устраивали, как иронично говорила мама, праздничное производственное совещание. Его бесконечные дела и командировки, казалось, прибавляли ему сил для новых дел. В редкие его свободные минуты, если дело было зимой, мы шли с ним кататься на лыжах, летом — ловить рыбу или купаться. Это были лучшие мои минуты жизни, я бесконечно ему благодарен за это общение равного с равным. Теперь-то я понимаю, что он вот таким образом мягко и ненавязчиво учил меня жизни, давал мне уроки правиль-

ного поведения, выработки жизненной позиции. Всё, что есть во мне хорошего, — это от него. Если бы он не стал геологом, то из него вышел бы великий учитель — его душевного тепла, терпения и человеческой доброты хватило бы на всех. Низкий ему сыновний поклон!

В тот трёхлетний период его работы (1967–1970 гг.) в тресте «Обьнефтегазразведка» геологами была разведана и подготовлена к разработке гигантская ресурсная база для организации добычи нефти нефтепромысловыми управлениями «Сургутнефть», «Мегионнефть», «Юганскнефть». Впоследствии, с ростом объёмов добычи нефти и газа, нефтепромысловые управления превратились в нефтегазодобывающие управления, а потом и в производственные объединения. Эта великолепная тройка стала родоначальницей всей нефтегазодобывающей промышленности Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Но подчеркну, что первую нефть отправили танкерами на переработку из Усть-Балыка геологи!

Как известно, в нашей стране без реорганизаций никак нельзя. Не миновала сия чаша и геологов: в 1970 году трест «Обьнефтегазразведка» ликвидировали, чтобы в 1977 году создать вновь.

Отцу при реорганизации предложили переехать на Ямальский полуостров в посёлок Мыс Каменный главным геологом в Ямальскую нефтегазоразведочную экспедицию. Конечно, мы поехали на Ямал. Очередная «дыра», как охарактеризовала мама это место нашей будущей жизни. Сказала, но, как всегда, не жаловалась. Уезжали, я это чётко запомнил, из Сургута 11 июня 1970 года. Погода баловала, было выше двадцати градусов тепла. Летели самолётом транзитом через Тюмень, поэтому взяли с собой только тёплые вещи, всё остальное отправили с оказией по реке Обь в Салехард. Далее наш домашний скарб был доставлен по Обской губе баржей в посёлок Мыс Каменный. Получили мы его подмоченный водой и с частично разграбленной кем-то библиотекой.

Так начался у нашей семьи ямальский период жизни. У меня он закончился в 1974 году после переезда в Тюмень и поступления в Тюменский индустриальный институт, а у отца с матерью с некоторым перерывом — на всю оставшуюся жизнь. Для отца он был самым продолжительным по времени, самым продуктивным по выдающимся открытиям газоконденсатных и нефтегазовых месторождений! Здесь он реализовал свои смелые мечты, знания по геологии! Присущая ему интуиция поисковика, чёткая органи-

зация и планирование геологоразведочных работ в нефтегазоразведочных экспедициях, расчётливый авантюризм профессионала своего дела позволили с неослабевающим упорством достигать невероятных результатов работы.

Конечно, об этом лучше скажет он сам в своих воспоминаниях о работе с Ф.К. Салмановым: «Запомнилась также одна из встреч, произошедшая в 1973 году на полуострове Ямал. Уже было открыто в 1971 году одно из крупнейших в мире Бованенковское нефтегазоконденсатное месторождение, на котором месторасположение первой скважины — первооткрывательницы — № 51 выбирал я, будучи главным геологом Ямальской нефтегазоразведочной экспедиции. В этот раз прилетели начальник Главтюменьгеологии Ю.Г. Эрвье и главный геолог Ф.К. Салманов на Южно-Тамбейское газоконденсатное месторождение, на котором в то время мы также получили непромышленный приток нефти. Но это был очень важный геологический результат».

Сейчас на Южно-Тамбейском газоконденсатном месторождении ОАО «Новатэк» построено три очереди завода по сжижению природного газа. На его открытие и торжественный пуск прилетал лично президент России Владимир Владимирович Путин.

Но продолжим воспоминания отца: «Промышленная же нефтеносность газоконденсатных месторождений неоднократно блестяще подтверждалась. Чего стоит только одно Новопортовское нефтегазоконденсатное месторождение с его новым сортом нефти Novu Port и запасами в 250 млн тонн нефти, открытое в 1964 году одноимённой нефтегазоразведочной экспедицией.

В эту встречу в 1973 году мы также полетели к северному берегу полуострова Ямал, его западной оконечности, где была выявлена геофизиками Харасавэйская структура, перспективная на поиск нефти и газа. Начальник Главтюменьгеологии Ю.Г. Эрвье тогда определил место базирования новой экспедиции, коллектив которой должен был работать впервые в нашей стране по вахтово-экспедиционному методу, а также места разгрузки и складирования оборудования, которое предполагалось доставлять в зимний период по Северному морскому пути из портов Архангельск, Мурманск. Такая экспедиция впоследствии была создана. Карская НГРЭ вписала немало славных дел в летопись сотысячного коллектива тюменских геологов.

В это же время Ф.К. Салманов и я заложили на Харасавэйской структуре первую поисковую скважину, которая впоследствии

стала первооткрывательницей Харасавэйского газоконденсатного месторождения».

Вот так буднично и скромно он описал открытие перечисленных уникальных месторождений. В октябре 2012 года состоялся запуск в эксплуатацию Бованенковского газоконденсатного месторождения, открытого 7 октября 1971 года. Президент России В.В. Путин по видеосвязи дал команду на запуск. Мой отец был приглашён на это праздничное мероприятие вместе с вдовой В. Бованенко, принял личное поздравление и слова благодарности за открытие этого гиганта — месторождения от главы Газпрома А.Б. Миллера.

7 октября, но уже 2016 года, через сорок пять лет со дня открытия Бованенковского месторождения у моего отца появился правнук, так же как до этого и его внук, отметивший своим рождением ещё одну памятную для нашего рода дату.

Жили мы в посёлке Мыс Каменный с 1970 по 1974 годы. Для меня это были лучшие годы — с шестого по десятый класс школы.

Посёлок представлял собой прямоугольник, внешними линиями которого были двухэтажные жилые дома, здание конторы Ямальской нефтегазоразведочной экспедиции, магазин, строящийся спортзал, одноэтажная школа, два ряда жилых балков. Промышленные здания, котельная, дизель-электростанция, баня, стоянка спецтехники были вынесены за пределы прямоугольника. Все здания были на сваях, т. к. внизу была вечная мерзлота, теплотрассы от котельной были проложены в деревянных коробах. Утеплителем в них были сухой мох и водоросли, которые в огромных количествах выбрасывали на берег Обской губы волны. По настилу этих коробов и пролегали пешеходные дорожки. Вдоль них натягивали верёвочные леера зимой, чтобы люди держались за них в пургу, их круглосуточно освещали, они же были естественными ограничителями границ посёлка. Из продуктов питания, привычных жителям средней полосы, у нас было всё, но в сушёном виде: сухая картошка, лук, морковь, сухофрукты. Завозили мясные, овощные, фруктовые консервы. В свежем виде была добываемая пернатая дичь, рыба, оленина из оленеводческого совхоза районного посёлка Яр-Сале. На Новый год самолётом обычно из посёлка Берёзово привозили несколько елей для клуба, школы, детского сада, больницы. По несколько веток доставалось всем желающим, как говорится, «для запаха».

Геологические посёлки везде одинаковы, так как люди, спянные многолетним совместным трудом и проживанием фактически в одной большой общине, становятся как по поведению, так и по привычкам в быту похожими. При этом геологические коллективы формировались из выходцев со всех республик и краёв тогдашнего Советского Союза. Каждый приезжающий в посёлок привозил частицу культуры своей малой родины, эта культура вместе с его носителем благополучно вливалась, не боюсь сказать, в созвездие культур. В результате получалась новая национальная культура — северная геологическая.

В октябре 1974 года отца переводят в аппарат Главтюменьгеологии. В тогдашнем Советском Союзе, какой бы заслуженный человек ни был, ему невозможно было получить квартиру в населённом пункте, в котором он не проживал. Поэтому геологов, прошедших через невероятные трудности работы в условиях севера и имеющих детей, которым вскоре надо было учиться в техникумах и институтах, находящихся в то время, в основном, в областном центре, Юрий Георгиевич Эрвье, начальник Главтюменьгеологии, переводил в аппарат Главка. Через определённое время выделял благоустроенное жильё, а потом отправлял снова на север. Так было и у нас, через три года отец с мамой снова стали работать на Крайнем Севере в Карской нефтегазоразведочной экспедиции. Тот период работы отца можно охарактеризовать как период доразведки и уточнения запасов нефтегазоконденсатных месторождений, которые он ранее открывал, работая главным геологом Ямальской нефтегазоразведочной экспедиции, таких как: Бованенковское, Харасавейское, Малыгинское, Крузенштернское и другие.

В 1980 году в городе Мурманске был организован трест «Арктикморнефтегазразведка» с целью поиска нефти и газа на шельфе Баренцева и Карского морей, включая самую северо-западную часть шельфа около границы с Норвегией. Отца пригласили туда главным геологом структурного подразделения треста. Разумеется, он согласился. Первопроходец по духу, неутомимый труженик, геолог по призванию, он не мог остаться равнодушным к этому новому для геологии СССР делу — поиску нефти и газа на шельфе! Тем более, что у норвежцев дела шли хорошо, почему же мы отстаём? Я уже после окончания института отработал год, в первый же свой отпуск приехал к нему. Как всегда, у него с мамой новое дело началось с общежития (в 45 лет!!). Но это нисколько их не тяготило, дело только начиналось, работы было невпроворот, а это было

то, что отец больше всего любил, — делать больше дела, делать его так, чтобы оно стронулось с места и набрало нужные обороты! К открытию в 1983 году Штокмановского газоконденсатного месторождения, принадлежащего сейчас Газпрому, отец имеет самое непосредственное отношение.

В 1984 году у него с мамой снова начался ямальский период работы — отца пригласили работать в Ноябрьскую нефтегазоразведочную экспедицию производственного объединения «Обьнефтегазгеология». Больше 17 лет до выхода на пенсию он отдавал этому региону свои опыт и знания, как всегда вложив в работу всю душу. И новый период у него с мамой начался с общежития. На сей раз в должности начальника геологического отдела экспедиции, потом главного геолога, начальника экспедиции, главного геолога геологоразведочного предприятия уже ПО «Ноябрьскнефтегаз», советника генерального директора, заместителя генерального директора ОАО «Сибнефть — Ноябрьскнефтегаз». В 2002 году мой отец вышел на пенсию и уехал с севера.

За период его работы главным геологом геологоразведочного предприятия, как бы оно ни называлось в разные времена, разведаны, подготовлены, переданы в эксплуатацию нефтяникам такие крупные и крупнейшие нефтегазовые месторождения: Сугмутское, Спорышевское, Средне-Итурское, Западно-Ноябрьское, Западно-Суторминское, Барсуковское, Пограничное, Ново-Пурпейское, Верхне-Надымское и др. Площадь территории, на которой производился поиск месторождений нефти и газа, составляла более 70 тысяч квадратных километров.

В связи с развалом СССР в 1992 году жизнь ставит перед отцом снова отчаянный выбор: что делать, как сохранить двухтысячный коллектив геологоразведчиков экспедиции от неминуемой ликвидации, а оборудования и базы — от разграбления. Как всегда, отец пошёл наперекор всем обстоятельствам, а коллектив экспедиции, веря в его порядочность, пошёл за ним. В 1992 году Ноябрьская экспедиция была выведена из состава ПГО «Обьнефтегазгеология» и вошла в состав ПО «Ноябрьскнефтегаз», полностью сохранив коллектив, базы и оборудование. Отец ушёл на заслуженный отдых, как капитан с идущего полным ходом вперёд геологического корабля, только убедившись в полной его исправности, и с полноценным коллективом.

Решающую роль в спасении геологоразведочного предприятия от ждущей его незавидной доли сыграл триумвират из начальника Ноябрьской нефтегазоразведочной экспедиции А.И. Кима, ге-

нерального директора ПО «Ноябрьскнефтегаз» В.А. Городилова, главного геолога ПО «Ноябрьскнефтегаз» Р.Н. Мухаметзянова.

Я в своих воспоминаниях не стал писать про государственные и ведомственные награды отца. Я писал про смысл и страсть его жизни — про геологию, которой он отдал все свои силы, знания, талант, азарт мужчины и воина, профессионала высочайшей пробы! Природу нельзя обмануть или победить, отец и не боролся с ней — она сама ему подсказывала, где её богатства, будто зная, что всё, что делал мой отец, он делал во благо людей!

Но в заключение приведу послужной список и награды геолога Кима Анатолия Индековича:

Заслуженный геолог РФ (1996), Заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РФ (1994), Почётный гражданин ЯНАО (2001), Награждён дипломом и нагрудным знаком «Первооткрыватель месторождения» (1987, Бованенковское нефтегазоконденсатное). Награждён орденами «Знак Почёта» (1971), «Дружбы народов» (1989), медалями имени академика А.Е. Ферсмана «За заслуги в геологии» (2000), «300 лет горно-геологической службе России» (2001), другими юбилейными и памятными наградами, грамотами, письмами.

При его непосредственном участии были открыты, подготовлены к промышленной разработке крупнейшие нефтяные, нефтегазовые, нефтегазоконденсатные, газоконденсатные месторождения Западной Сибири: Барсуковское, Бованенковское, Верхне-Надымское, Западно-Ноябрьское, Западно-Суторминское, Лянторское, Малопякутинское, Малоямальское, Мамонтовское, Нейтинское, Новое (Южно-Пякутинское), Ново-Пурпейское, Пайсятское, Пограничное, Пякутинское, Романовское, Северо-Карамовское, Северо-Янгтинское, Спорышевское, Средне-Итурское, Средне-Ямальское, Сугмутское, Усть-Балыкское, Харасавейское, Южно-Балыкское, Южно-Крузенштернское, Южно-Памялихинское, Южно-Тамбейское и другие месторождения.